

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ВИКТОРИЯ ДЬЯКОВА

**ФАРФОРОВЫЙ
БЕС**

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Виктория ДЬЯКОВА

ФАРФОРОВЫЙ БЕС

(Авантюрно-детективный роман)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ФЛЮИД

FreeFly

Москва, 2019

УДК 821.111-312.А
ББК 84(0)-9-44я43
Д 93

Составитель серии *А. Лидин*

В книге использованы иллюстрации
Джозефа Клементя Колла (1881—1921)

Дьякова В.

Д 93 Фарфоровый бес. — М.: ИД «Флюид ФриФлай»,
2019. — 400 с.

В новом авантюрно-детективном романе В. Дьяковой действие происходит в 1806 году в Санкт-Петербурге. Неизвестными лицами похищен гвардейский офицер Валерьян Зубов. Валериана похитили, чтобы узнать, где скрывается его старший брат, последний фаворит императрицы Платон Зубов. За любовь к роскоши и богатству, а также бледный цвет лица он получил прозвище «Фарфоровый бес». И единственный, кто может остановить преступников и распутать клубок интриг, — поручик Денис Олтуфьев.

ISBN 978-5-907220-04-1

© ИД «Флюид ФриФлай», 2019
© Дьякова В., 2019

*Еще Москва полна стихами,
которыми я Лизу прославлял...*

Денис Давыдов

Глава 1

ТАЙНОЕ СВИДАНИЕ

— ГОСПОДА, ВЫ СЛЫШАЛИ, какой конфуз нынче вышел? — звонко воскликнул Бурцев. — Оказывается, наши союзники пруссаки настолько перепугались Бонапарта, что решили поскорее заключить с ним мирный договор, тайно от нас, конечно же. Пусть, мол, русские сами с французами лбы расшибут, а мы, как и наши дружки австрияки, со стороны поглядим. Их трусоватый король Фридрих-Вильгельм так перепугался Аустерлица, что, говорят, даже залез под собственный трон во дворце Сан-Суси, чтобы его не сразу нашли, если вдруг ненароком французы в Берлин нагрянут, — Бурцев хохотнул. — Каково, а? А бывало, сто лет назад-то, пруссаки удержу не знали, дай только повоевать! Теперь засели в норке и носа не кажут!

— Как же это они умудрились сговориться с Наполеоном поперед нас? — спросил Денис. Он пустил Митьку аллюром.

Потряхивая гривой, жеребец красиво шел по кругу манежа, выбрасывая крест-накрест мускулистые ноги. Когда Митька шел передом, кости ног ниже колен у него казались необыкновенно тонкими, зато когда жеребец

поворачивался, они поражали широтой и устойчивостью. Резко выступающие мышцы из-под сетки жил, растянутой в тонкой, подвижной и гладкой как атлас коже, казались столь же крепкими, как и кости. Было заметно, как кровь пульсировала в жилах при каждом усилии, совершаемом лошадью.

— ...Никак поджидали где за кустами, пока мы от Аустерлица отступали?

— Можно и так сказать, — подтвердил Бурцев по-прежнему весело. — Главное, как выяснилось, иметь сообразительного посланца, у которого к тому же и ноги как у зайца, быстро бегать умеет. Насколько мне известно, отличился некто Гаугвиц. Прусский король послал его с поздравлениями к нашему императору, он же был уверен, что Бонапарт будет разбит при Аустерлице, а оказалось, когда этот Гаугвиц наконец-то добрался до поля сражения, что нас там и след простыл, а в округе хозяйничают французы. Пока он хлопал глазами, кавалеристы Мюрата схватили этого посланца, и будьте любезны... пред светлые очи императора приволокли. Но Гаугвиц не растерялся. Шкура-то дорога, надо выкручиваться. Так он, как рассказывают, поздравление своего короля русскому императору съел, просто комком проглотил и даже не поперхнулся, и тут же сочинил новое поздравление — для Бонапарта. Ну, а Наполеон, чтоб не терять время даром, быстро составил для этого Гаугвица письмецо к его монарху. Вот тут и закрутилось все, за нашей спиной. Началась, брат, большая дипломатия, — Бурцев легонько хлопнул Дениса по плечу.

— Ну и что? — поинтересовался Денис, не отрывая взгляда от Митьки. — Как раскрылось-то все? Не договорились они?

— Договориться-то, договорились, — ответил Бурцев. — Бонапарт даже договор подписал со своей стороны.

Но пруссаки оформить предательство письменно не успели. Наш посол в Берлине князь Хворостовский прознал об их интригах и обо всем донес государю. Его величество вполне оправданно возмутился. Так теперь прусский король уверяет его, что якобы ничего такого они и в голове не держали, Бонапарта ненавидят пуще прежнего, а во всем виноват канцлер. Его, кажется, фон Тренк кличут. В общем, грозят сослать его с глаз долой, но сошлют ли — неизвестно. Князь Долгоруков по велению государя нынче выехал к ним. Он поглядит там на месте, что к чему. Правда, Долгорукову веры с гулькин нос, — Бурцев безнадежно махнул рукой, — он уже однажды ездил к Бонапарту перед Аустерлицем. Видит не то, что есть, а то, что желал бы видеть. Хуже всего то, что пруссаки теперь разозлили Бонапарта дальше некуда. Он просто расสวิрепел. Он ведь не привык, чтоб его водили за нос, как мальчишку. Короче, не сегодня-завтра двинет пару корпусов на Берлин, вот тогда снова начнется заваруха!

— Удивляюсь тебе, Бурцев, — Денис обернулся к товарищу. — И где ты только узнаешь обо всем?

— Из самых надежных источников, — заверил его Бурцев. — Вчера, пока ты тратил впустую время на именинах у знакомой своей матушки, мы с Каховским посетили Марию Антоновну. У нее присутствовал Чарторыйский. Вот он и рассказал все подробности прусского дела. Кому же еще знать о них, как не министру иностранных дел. К тому же он обмолвился, что государь поручил ему вступить в переговоры с французским торговым консулом в Петербурге месье Леппесом. Там что-то касается наших кораблей, которые были задержаны осенью во французских портах. Вопрос, конечно, частный. Но знаешь, что это может означать? — Бурцев сделал многозначительную паузу.

— И что? — Денис равнодушно пожал плечами.

— То, что мы отплатим пруссакам той же монетой, что и они нам. Заключим с французами договор раньше ихнего, вот пускай тогда попрыгают!

— На месте нашего государя я бы не Чарторыйского, а тебя назначил министром иностранных дел, а заодно и командующим армией, — усмехнулся Олтуфьев.

— Представь, что я бы отказался, — парировал Бурцев, — уж больно головоломки много, и никакого удовольствия. Вот если бы вместо Бонапарта переговоры вела его супруга, я бы согласился, — он присвистнул. — Говорят, мадам Жозефина очень даже хороша собой. Или хотя бы наша общая знакомая мадам Бигготини. А так — скукотища, брат Денис, — Бурцев вздохнул с легкой печалью и потянулся. — Вот препирайся с ними, кому Ганновер, кому Тильзит. — Вдруг он оживился: — Во, смотри, кто к нам идет! Левушка, он знает куда как больше моего!

Денис остановил Митьку и, похлопав его одобрительно по лоснящемуся крупу, обернулся. Вдоль манежа, придерживая шинель, к ним направлялся Каховский.

— Денис, тут одна смазливая девица сунула мне записку и просила тебе передать, — сообщил он, доставая из перчатки смятый комок бумаги.

— Как вы обращаетесь с дамскими письмами, Лев, — показательно возмущился Бурцев и, прищулив глаза, отметил: — Аромат тонкий, с ноткой жасмина и, возможно, сирени. От мадам Жюли, готов поспорить!

— Ох, сдалось же мне с тобой спорить, — кисло поморщился на него Левушка. — От Жюли так от Жюли, какая разница. Записку мне передала горничная. Барыня же ожидает в экипаже напротив манежа. Очень просила тебя поторопиться.

— Как любопытно, — протянул Бурцев, подкручивая ус, — и что же она пишет?

— Я так полагаю, что тебя это не касается, — Денис отвернулся от него, — и от чего ты, Лев, — спросил он у Каховского, разворачивая письмо, — не присутствовал вчера на именинах у Акулины Игнатьевны Хвостовой, позволь тебя спросить? Я наслушался за тебя от матушки.

— Меня удивляет не то, что я не присутствовал, а то, как ты там оказался, — воскликнул возмущенно Каховский. — Мы ожидали тебя у Марьи Антоновны на Фонтанке!

— Увы, увy, вчера мне выпал черный билет, — вздохнул Олтуфьев, — бабушка попросила меня заехать на Адмиралтейский, чтобы привезти ей кое-что из гардероба, а я имел неосторожность нагряться туда перед обедом. Вот все семейство и вцепилось в меня, мол, они собираются к Хвостовым, а у Сашеньки с Наташей нет кавалера. Я отказался ехать наотрез. Так не то что сестрица с подружкой, матушка самолично ударилась в слезы, папенька выступил с нравоучением. Так что пришлось уступить и битых три часа умирать от тоски среди девиц и старух. Вот такая вышла неудача, — он пробежал глазами строчки в письме. Их всего было шесть, написаны по-французски робкой, дрожащей рукой:

Вы вправе осудить меня за дерзость, но после мазурки у Энгельгартов, с которой вы так поспешно удалились, вы больше не навещали нас. Молю о встрече. Жду с нетерпением.

Пощадите.

А.

Денис растерялся. Очевидно, что письмо было написано Алисой, если судить из рассказа Каховского, именно она ожидала его в экипаже недалеко от манежа.

— Да уж неудача так неудача, — продолжал Бурцев, но, без сомнения, сгорал от любопытства. Он все время привставал на носки, пока Денис читал письмо. — Молодцом только Елизавета Михайловна. Она обходится с твоими родственниками посерьезнее, чем ты. Взяла и переехала к князю Орлову. И что там говорят в обществе — ей все равно!

— Елизавета Михайловна может позволить себе по возрасту, — возразил Каховский и, поправив очки, спросил: — Ну, что там написано, Денис? Ты нам не расскажешь?

— Не расскажу, — строго ответил Денис и, передав Митьку Бурцеву, попросил: — Подождите меня, я вернусь скоро!

— Могу сказать только одно, это не девица Фелис — точно, — заметил Бурцев со значением. — Она бы уж не стала торчать около манежа, а нашла бы местечко поуютнее.

— Лешка, я был бы признателен тебе, если бы свои рассуждения ты держал при себе, — предупредил его Денис и, накинув шинель, направился к выходу.

Шел мелкий, мокрый снег. С Невы дул пронзительный ветер.

Приподняв меховой воротник, Денис спустился по ступеням. Его почти сразу окрикнули.

— Месье Олтуфьев? — шлепая чеботами по раскисшей снежной массе, к кавалергарду подошла молодая женщина в длинном бараньем салопе навыворот, подвязанном ярко-красным кушаком. Голову ее покрывал черный цветастый платок. Лицо женщины, скрытое до самых бровей, покраснело от ветра, на нем бурными вмятинами проступили оспины. Заметив, что на ее вопрос кавалергард ответил утвердительным кивком, она радостно улыбнулась и поспешно продолжила:

— Я — Марфа, горничная мадемуазель Алисы. Мадемуазель ожидает вас рядышком, — девица махнула рукой, показывая за угол, и подбитая мехом рукавица сорвалась с ее руки, щелкнув резинкой. — Идемте, идемте скорее, — схватив Дениса за рукав шинели, она потащила его за собой, в Конногвардейский проезд.

Карету Алисы, запряженную парой серых лошадей, он увидел сразу. Она стояла на обочине, на козлах дремал, завалившись на один бок, кучер.

— Мадемуазель очень волновались, что не сыщут вас тут, — тараторила Денису горничная. — Вы же знаете, с какой сложностью доводится молодой особе вырваться из дома. Цельную неделю случая поджидали, когда Анна Александровна уедут с визитами, а они все откладывали и откладывали. Вот сегодня отъехали после завтрака, так мадемуазель сразу же к вам засобиралась. Вы залазьте, залазьте внутрь, — девица распахнула перед Денисом дверцу кареты. Она еще что-то рассказывала со сбивчивостью, но молодой человек уже не слушал ее. Все его внимание сосредоточилось на Алисе.

Мадемуазель сидела в глубине кареты, закутавшись в белый мех шубки. Тонкие руки в белых кожаных перчатках прижимали к лицу края светло-лазоревой шали, поддерживавшей капюшон. Из-за пышных кистей лица Алисы было совсем не видно, только сквозь пальцы просвечивали испуганные, округленные глаза, словно она сама больше всего прочего, больше него, пугалась собственной дерзости и решительности.

— Мадемуазель де Лицин, мое почтение, — несмотря на охватившее его волнение, Денис довольно официально приветствовал девушку, слегка кивнув.

Она не ответила ему.

— Садитесь же, садитесь, — настаивала служанка.

— Вы позволите, мадемуазель? — осведомился Денис с прежней сухостью.

— Прощу вас, — откликнулась Алиса едва слышно.

Денис сел в карету, Марфа захлопнула за ним дверь. Теперь он остался с Алисой наедине. Мадемуазель молчала, все так же прижимая пальцы к лицу. Смирив волнение, Денис начал разговор первым.

— Я получил вашу записку, мадемуазель, — проговорил он как можно мягче. — Вы просили меня прийти. Я пришел.

— Где мое письмо? — ответ Алисы прозвучал немного резко, словно распрямилась плотно сжатая пружина. — Пожалуйста, отдайте мне его.

— Конечно, возьмите, вот оно, — Денис протянул девушке аккуратно сложенный лист бумаги, — не нужно так беспокоиться, поверьте, — он истолковал резкость девушки по-своему. — Я никому не обмолвился даже, от кого это письмо. Так что вам не стоит опасаться компрометации. — Она быстро выхватила из его рук бумагу и спрятала ее в рукав шубки.

— Вы даже не можете вообразить себе, как я рискую, — проговорила она дрогнувшим голосом и обратила к Денису бледное, красивое лицо, на котором сверкнули слезами ее ярко-голубые, небесные глаза. Стараясь не выдать своей слабости, она тут же опустила взор, обмахнув краешком шали повлажневшие ресницы. — Анна Александровна намеренно строго следит за мной, не позволяя никакой вольности. Она разгневется, если узнает, что я покинула дом в ее отсутствие, не получив от нее разрешения. Тем более, если ей станет известно, что я направилась сюда, в конногвардейский манеж, где одни мужчины...

— Успокойтесь, мадемуазель, — Денис осторожно взял руку девушки в свою. — Я повторяю, вам не нужно

опасаться компрометации. От кого Анна Александровна узнает о вашем отсутствии? Если только Марфа ей расскажет. Вы верите своей горничной?

— Мне не остается ничего другого, — грустно вздохнула Алиса. Она постепенно совладала с собственной робостью и волнением. Теперь она могла слегка распрявиться и смотрела на Дениса ясно и светло. Она едва заметно улыбалась. Ее взгляд выражал восхищение, поклонение, восторг.

— Мне даже не верится, что я вижу вас, — прошептала она, и бледные щеки ее зарделись розовым румянцем. — Я понимаю, что девушке непристойно признаваться в этом, но я тосковала из-за вашего отсутствия. Я считала часы, дни. Но вы больше не появлялись у нас. Скажите, Денис Васильевич, почему? Вам неприятно было видеться со мной?

— Что вы, мадемуазель, напротив, — голубые глаза Алисы пристально смотрели на молодого человека, вопрошая, и теперь пришла очередь смущаться ему: — Я горячо желал увидеть вас, но дела службы удерживали меня. Поверьте, я был бы рад бывать у вас каждый вечер, — он говорил неправду, чтобы не расстраивать ее, и ощущал всю подлую фальшивость своей речи. Но Алиса верила ему с радостью. Она желала услышать, что вовсе не от равнодушия к ней, не от того, что она ему неинтересна, он позабыл о ее существовании. Теперь уж он старался не смотреть ей в лицо и отводил взгляд.

— Я так и думала, — восторженно воскликнула мадемуазель де Лицин. — Князь Петр Иванович не раз описывал мне, сколько разнообразных занятий случается у офицеров в полку. Я верила, что причина ваша только в этом. Знаете, — она снова понизила голос, — я десяток раз, никак не меньше, танцевала во сне заново ту

мазурку у Энгельгартов. Я воображала себе, что если бы вас не отозвали в полк, вы бы наверняка отправились после бала к нам на Миллионную, мы бы пили чай и разговаривали, разговаривали... — Алиса мечтательно вскинула глаза и засмеялась светло, радостно, точно колокольчик прозвенел. — Ах, сколько отчаяния, сколько безнадежности пронеслось в моих мыслях, если бы вы только знали! — она с горячностью сжала его руку и приблизила порозовевшее, улыбающееся лицо.

Стараясь воспрепятствовать ее порыву, который мог привести к весьма нежелательным для него осложнениям, Денис напомнил ей:

— Вы уверены, мадемуазель, что вам не пора еще возвращаться домой? Когда обещалась быть назад княгиня Анна Александровна?

— Домой? — переспросила Алиса и сразу как-то потухла, сникла. Она отстранилась от Дениса, прислонившись спиной к стенке кареты. Ее пухлые, совсем еще детские губки обиженно подрагивали: — Да, верно, уж пора, — неохотно согласилась она. — Я вижу, что вы не так уж рады видеть меня? — спросила она как бы между прочим и отвернулась к стеклу, словно ответ совершенно не беспокоил ее. — Я зря торопилась, выдумывала себе встречу...

— Что вы, мадемуазель, я только беспокоюсь о том, чтобы вы не повредили свою репутацию, — ответил Денис, понимая, что она чувствует его натянутость. — Позвольте мне удалиться нынче, а в самом скором будущем я навещу князя Багратиона, и мы обязательно увидимся.

— Вы должны знать, — Алиса порывисто повернулась к нему, — что с тех пор, как вы спасли меня, для меня ничего не существует кроме вас. Мне безразличны все увеселения, разговоры. Мне скучно петь, я не могу

петь, — она выпучила глаза, словно желая подчеркнуть весь ужас ситуации. — Меня больше не увлекает музыка. Я думаю только о вас, все мои чувства устремлены только к вам. Вы — мой герой, вы — мой кумир, о, боже! Что я говорю, — она осеклась и в страхе закрыла лицо руками. — Я не должна этого говорить. Простите меня, простите...

Ее тонкие, хрупкие плечики под пышным мехом шубы вздрогнули. Она всхлипнула.

Денис смотрел на нее, сидя неподвижно. Его сердце сжимало сочувствие и даже жалость к этому нежному, юному существу, проникнувшемуся к нему столь теплым чувством. Он боялся даже шевельнуться, чтобы неверным жестом не доставить ей еще большее огорчение или, напротив, неоправданную иллюзию, которая рано или поздно обернется печалью.

Увы, кроме жалости, не высокомерной и оскорбительной, а искренней и даже душевной, он больше ничего не чувствовал к Алисе. Он отчетливо понимал, что юная особа просила у него вовсе не утешения, она ждала от него ответных восторженных чувств, столь же горячих и захватывающих, которые пробудились в ней самой. Но его сердце оставалось безучастно и к ее красоте, и к ее страданию, и к ее мольбе о взаимности. Только чувство долга и уважения к князю Багратиону заставляло его вести себя с Алисой не просто деликатно, как с любой иной дамой, а с крайней почтительностью. Именно это его отношение она и приняла за влюбленность, и ее всколыхнувшееся юное сердечко откликнулось ему. Но он не мог дать ей чувства, которого она так жаждала.

Прекрасно осознавая все обстоятельства, Денис намеренно удерживал себя даже от сочувствия, понимая, что малейшее дуновение нежности с его стороны произведет

на впечатлительную девушку такое воздействие, которое только усугубит их положение.

— Простите, мадемуазель, мне надо вернуться в манеж, — произнес он с той же сухостью, с которой и начал разговор. — Я благодарю вас за то, что оказали мне честь свиданием.

Услышав его слова, а еще скорее тон, которым они были произнесены, Алиса вздрогнула и умолкла, ее всхлипы стихли. Она не протянула ему руки для прощального поцелуя, не повернула головы, не обратила даже взгляда. Она снова закуталась в широкий капюшон шубы, и он видел только кончики лазоревой шали, колыхавшиеся от ее дыхания.

Отдавая себе отчет, что все сказано и больше ничего не остается, как уйти, Денис коротко кивнул головой, и вылез из кареты.

В лицо ему дохнул ледяной порыв ветра и посыпался мелкий снег. Марфушка, караулившая экипаж снаружи, притоптывала между двух сбитых проезжающими каретами сугробов.

— Что, месье, никак закончили? — спросила она нетерпеливо, пристукнув рукавицами. — Ехать бы пора. Барыня вернется раньше нашего, вот уж выволочку устроят...

— Да уж езжайте поскорее, — ответил Денис с грустной улыбкой. — И проследи, чтобы мадемуазель не простудилась. Погода сегодня уж больно сырая.

— Прослежу, месье, не сумлевайтесь, — бодро откликнулась Марфушка. — Натру водочкой, заверну в одеялко верблюжье. Ничего с ней не станется. Эй, трогай, — она толкнула посапывавшего кучера и залезла в карету. Остановившись в нескольких шагах, Денис видел, как Марфушка елозила перед оконцем экипажа, то приподнимая занавеску, то опуская ее. Но Алиса не выглянула ни разу.

Громко прокашлявшись, кучер тронул застоявшихся лошадей. Довольно резко дернувшись с места, они повернули карету и покатали ее мимо манежа на Мадю Морскую улицу.

Поправив треуголку, Денис медленно пошел по Конногвардейскому проезду. Он не торопился вернуться к ожидавшим его внутри манежа товарищам. Отчаянный порыв Алисы, ее готовность пренебречь условностями, готовность даже пожертвовать собой ради одной только встречи не оставили его равнодушным. В какое-то мгновение он испытал в себе неожиданную тягу к ней, даже желание единства душевного и телесного.

Он почти готов был согласиться с бабушкой. Ведь если не Анна, забывшая, оттолкнувшая его чувства, то почему не Алиса, кто, если не Алиса? Кто может быть лучше? Кто станет любить его больше, сильнее, нежнее, преданнее?

Как всякий, кто испытал разочарование и отказ возлюбленной, он теперь больше стремился не к тому, чтобы любить сам, а к тому, чтобы его любили. Он желал, чтобы любовь Алисы утешила его. Он вовсе не заботился о том, сможет ли сам возвратить ей хотя бы немного радости или безжалостно разобьет сердце, подаренное ему столь бескорыстно. Ведь грубо, жестоко говорить о любви, не любя, клясться в верности, вовсе не намереваясь соблюдать ее, убеждать в пылкости своей страсти, оставаясь холодным и рассудочным. Все это вполне могло бы оказаться сносным для мадемуазель Фелис, испытавшей в жизни немало радостей и разочарований, изведавшей любовь французских генералов, испанских тореадоров, русских придворных франтов. Но для Алисы, этого наивного, чистого, доверчивого и почти неземного создания подобный обман мог оказаться сокрушительным. Имеет

ли он право разрушать ее жизнь только по той причине, что его собственную наивность и доверчивость однажды отбросили как ненужную вещицу, а он, подобрав их, затоптанные в грязи, вовсе не торопился снова натягивать на себя.

Он хорошо помнил, как больно узнать, что цена клятвам — грош, а чувствам — полгроша. И только одна встреча, одна ночь, только сверкание золота на синем маршальском мундире и немного романтических рассказов о шествии легионов при Монтебелло могут перечеркнуть всю жизнь, и все, что было высоким, вдруг становится оглушительно низким, отвратительным и тошнотворным. И все-таки предательски в глубине души теплилась надежда, что она скоро приедет, и все изменится, все вернется к прежнему, ведь он знал теперь наверняка, что Анна вот-вот вернется в Петербург.

КОГДА ОН ВОШЕЛ в манеж, Митьку уже увели с арены. Он стоял поодаль, привязанный конюхом, и с нетерпением перебирал ногами на соломе. Денис издалека увидел сухую голову любимого дружка с выпуклыми блестящими, веселыми глазами и влажными, подрагивающими ноздрями. Как только Митька заметил хозяина, он глубоко втянул воздух, и мускулы под его блестящей кожей взволнованно задвигались.

— Потерял меня? Здесь я, здесь, — подойдя к коню, Денис погладил его крепкую шею, поправил спутанные на загривке пряди гривы и прижался лбом к тонкому, теплому лошадиному носу, чувствуя горячее Митькино дыхание. Ему вдруг вспомнилось детство в Карголе и волнения по поводу отъезда отца в Петербург, где его ожидал суд за растрату полковой казны и неизбежная ссылка. Вспомнились долгие разговоры с бабушкой об Анне, заочная, безоблачная влюбленность в Анну, без

всякой надежды на взаимность и даже не встречу. И маленький орловский жеребенок Митька, неразлучный спутник всей его жизни, боевой товарищ.

— Мы с тобой вдвоем, — проговорил Денис, ласково поглаживая бархатистую морду лошади. — Мы с тобой всегда вдвоем. В бою, на параде, дома. Ты и я. Кто еще нам нужен?

— А вот и мы, — услышал он за спиной голос неунывающего Бурцева. — Свидание окончилось? Или еще только... только предстоит? — осведомился он шутливо. — А мы со Львом уже посетили клуб и даже пропустили по стаканчику перцовки. В такую погоду в самый раз. А мадмуазель «инконю», — он переделал расхожее французское словечко на русский лад, — не замерзла? Надеюсь, ты ей не дал замерзнуть? Почему она так быстро уехала? Признаться, Лев, я крайне удивлен, — он обратился к Каховскому. — Я полагал, что мы уже сегодня не увидим месье Дениса. Он умчится в карете с незнакомкой, а нам останется только опекать его жеребца и пускать от зависти слюнки.

— Мадемуазель уехала, — ответил Денис громко, стараясь поддержать веселость товарищей. — К тому же это была вовсе не мадемуазель, а весьма почтенная мадам, — он решил утаить визит Алисы и даже не дать сообразительным друзьям повода для догадок. — Дальняя родственница княгини Анны Александровны по ее супругу... Она привезла мне письмо княгини с благодарностью за участие в бале подростков у Энгельгарта.

— И скомкала это письмо так, как будто прожевала его, — закончил за него Бурцев с нескрываемой иронией. — Ты не крути, Олтуфьев, не хочешь говорить, так и не надо, — он скептически пожал плечами, — подумаешь, какой секрет выискал! А уж с фантазией своей не морочь нам голову. Какая матрона будет поджидать

битый час у манежа, когда всех забот для нее — заехать к нам на квартиру на Галерной да оставить записочку казначу Андрюшке. Если уж такая нужда ее одолела. А так и вовсе чепуха какая-то. Двух дней не проходит, чтобы ты не видался с князем Петром Ивановичем. Зачем посылать какую-то родственницу, когда он вполне может передать, что Анна Александровна желает тебе сказать.

— Ладно, какая разница, кто приезжал, — одернул Бурцева Каховский. — Матрона или не матрона... Нам-то что? Ты мне лучше скажи, Денис, обедаешь ты у Бориса Четвертинского или опять отправишься на посылки к какой-нибудь госпоже Хвостовой?

— Нет уж, увольте, — Денис с усмешкой отмахнулся от его предположения. — Я больше на Адмиралтейский ни ногой. Сегодня же скажу бабушке, пусть попросит папеньку привозить ей гардероб в Мраморный. Он-то будет только рад лишний раз из-под матушкиной опеки вырваться. Что же до Бориса, он меня не приглашал сегодня, — заметил он с сомнением.

— Это только потому, что ты Акулине Игнатьевне в лапы угодил, — съязвил Каховский. — Какие разговоры, ты же знаешь, у Бориса без церемоний.

— Верно, верно, — поддержал его Бурцев, — хватит лясы точить. Перцовки проглотили, теперь и закусить не грех. А про матрону, Денис Васильевич, — он подмигнул Олтуфьеву. — Рано или поздно само собой все наружу выйдет, как ни скрывай.

В НЕБОЛЬШОЙ СТОЛОВОЙ, стены которой были отделаны темно-зелеными гобеленами с изображением пиршеств древнегреческих богов, набилось человек тридцать офицеров — все завсегда таи кружка кавалергарда Бориса Четвертинского, родного брата Марьи Антоновны Нарышкиной.

Обед подавали по-русски, с обильной закуской, состоявшей из трех полноценных блюд, после которых о самом обеде думать уже не хотелось, но он был неизбежен. Пока лакеи расставляли на покрытом белоснежной скатертью столе крутобокие фарфоровые супницы с домашними щами, неизменным атрибутом приемов у Бориса, общество поедало икру осетра, предложенную в вазочках, запивало ее шампанским и увлеченно обсуждало последние новости.

Главной же интригой политической жизни оставался все тот же вопрос: заключит государь мир с Бонапартом или же война продолжится. А если войны не избежать, кто будет назначен главнокомандующим армией. С тех пор, как Кутузов был удален из Петербурга и назначен генерал-губернатором в Киев, вопрос этот не казался праздным, особенно для военной молодежи.

— Готов спорить, что назначат какого-нибудь иностранца, — горячился хозяин дома. — Возможно, Кнорринга, Майендорфа или Сухтелена...

— Пардон, позвольте осведомиться, Борис, а кто это такие? — насмешливо возражал ему Бурцев, развалившись на бархатном диванчике перед окном. — Ты их на поле сражения когда-нибудь видал? Нет, я уверен, наш государь не просто умен, он прозорлив, и если бы не дурные австрийские советчики, которые совершенно запутали его накануне его сражения, аустерлицкая баталия сложилась бы для нас куда более успешно. Из иностранцев, если уж на то пошло, больше всего подходит Беннегсен, — заключил он и пыхнул трубкой. — Да и какой же он иностранец? Леонтий Леонтиевич, самый что ни на есть русак... Ты как считаешь, Олтуфьев? — обратился он за поддержкой к Денису. Тот неопределенно пожал плечами:

— Я полагаю, его императорскому величеству виднее, кого ставить над армией нынче, — заметил он, — по мне так лучше Михайлы Илларионовича не сыщешь, а так бы князь Петр Иванович Багратион — кого ж, кроме него?

— Ну, Петра Ивановича не назначат, — кисло поморщился Бурцев, — кроме австрияков, у нас своих советчиков при государе хватает. Далеко не все из них Петру Ивановичу благоволят. А даже супротив, я бы сказал.

— Господа, господа, представление! — в комнату влетел возбужденный Каховский. — Небольшой дивертисмент для улучшения аппетита. Итальянский дуэт Дидона и Асканий! Просим, просим! — он бурно зааплодировал.

— Но где же представлять? — смутился неожиданным поворотом Борис. — Надо переходить в другой зал.

— А ддя чего? — сообразил скорый на решения Бурцев. — А ну-ка, молодцы, — он подозвал к себе трех лакеев в зеленых ливреях и напудренных париках, — клади свои плошки и подходи ко мне! Перенесем стол поближе к окнам.

— Да, конечно, — обрадовался Четвертинский. — Мы и сами можем это сделать! — он поспешил на помощь Бурцеву. Его примеру последовали еще человек шесть офицеров.

— Гляди, щи не урони! — веселился Бурцев. Под его шутки стол убрали с центра, а посредине зала расставили полукругом стулья в несколько рядов, образовав импровизированный зрительный зал. Публика с пересмешкой расселась. Денис оказался с краю, рядом с ним оставалось свободное место.

— Зови артистов, Лев! — громогласно попросил Бурцев, расположившись в первом ряду. И намеренно звучно хлопнул несколько раз в ладоши.

Его поддержали нестройно, но с явным энтузиазмом. Каховский на цыпочках подбежал к дверям, ведущим в соседнее помещение, — они теперь заменяли занавес. Повернувшись, он картинно поклонился и еще раз провозгласил:

— Дидона и Асканий, картина первая!

— Давай уж скорее! — нетерпеливо ерзал на кресле Бурцев.

— Да тише ты, Лешка, тише, — зашикали на него сзади, — испортишь весь антураж!

НЕТОРОПЛИВО, КАК ТОГО и требовал момент, Каховский распахнул двери. Трагически сжав руки на груди, в зал вплыла актриса, изображавшая Дидону. Каховский услужливо подставил ей кресло. Она опустилась в него, положив тонкие, обнаженные руки на подлокотник. Словно в ожидании грозных, роковых событий, нависших над ее судьбой, она напряженно подалась вперед, вглядываясь вдаль, как будто высматривала кого-то. Должно быть, в спешке парик с длинными, ярко-рыжими волосами был не очень хорошо расчесан, и на затылке у Дидоны встопорщилось несколько прядей. В остальном же царица выглядела безупречно. Широкий вырез темного платья подчеркивал ее гордую шею, аккуратные линии головы, соблазнительную округлость груди. Розовые тона спелого персика лежали на покрытом легким румянцем по-девичьи молодом лице. Нежный излом темных бровей над большими глазами цвета морской воды, благородный изгиб пурпурного рта. Некоторое время Дидона оставалась неподвижной, как будто нарочно представляла себя, чтобы ее подробно рассмотрели. Среди офицеров пронесся одобрителный гул, актрису оживленно обсуждали полушепотом. Все ждали явления Аскания.

Вместо него, воспользовавшись паузой, в зал проскочил запоздавший к обеду Вадим Желтовский.

— Ну, вот, — разочарованно вздохнул Бурцев в первом ряду. — Мог бы и подождать чуток. Испортил все впечатление....

— Прошу меня извинить, — Желтовский поспешно прошел между креслами и сел рядом с Денисом. — Я и не знал, что здесь будет театр, — сказал он вполголо-са Олтуфьеву, — надеялся только пропустить закуску...

— Вадим, — Бурцев повернулся к нему и спросил с усмешкой, — ты там Аскания не видел? Может, он заснул, так разбудить надобно?

— Идет он, идет, — раздраженно прервал его Каховский и выскочил в соседнюю комнату.

Вскоре он вернулся и на цыпочках прошествовал в нишу окна. Следом за Левушкой появился долгожданный Асканий. Его встретили аплодисментами. В отличие от Дидоны, он вовсе не выглядел грациозно, скорее напротив, казался тяжеловат. Одет он был в бархатную тогу. Черные курчавые волосы на голове включены, лицо явно опухшее и вялое. Шаркая сандалиями, натянутыми на босу ногу, он подошел к Дидоне и встал за ее креслом. Асканий усиленно гримасничал, демонстрируя публике переживания. Потом начал говорить роль — по-итальянски, но как-то хрипло и неохотно. Дидона слушала его, не шелохнувшись. Потом она встала, закинула голову, изображая потрясение от услышанного, повернулась к актеру. После короткой, полной драматизма паузы она протянула руки к его голове, склонилась над ним и поцеловала в лоб.

— Иди ко мне, мой юный Асканий! — возвестила царица надрывно. — Расскажи, что пережил Эней в дальних странствиях!

То ли крикнув, то ли кашлянув, то ли всхлипнув, великовозрастный юноша плюхнулся перед Дидоной на одно колено и прижался лбом к ее руке. Он изображал сильнейшее волнение, слегка пристукивая ногой об пол.

— Браво! Браво! — зааплодировал Каховский, выскакивая из ниши окна. — Сейчас шампанское, а потом Кассандра и Мария-Магдалина!

— Прошу прощения, а щи когда? — спросил кто-то недовольно.

— Ну, какие щи, право, — возмутился искренне Левушка, — Какая проза! Щи обождут, сперва — искусство!

— Твой брат, как всегда, полон сюрпризов, — заметил Желтовский Денису. — Где он разыскал этих комедиантов?

— Не знаю, — Олтуфьев только недоуменно покачал головой. — Во всяком случае, в манеже, перед тем как мы отправились сюда, он даже и словом не обмолвился про дивертисмент. Для Бориса, кажется, это тоже сюрприз, — он бросил взгляд на Четвертинского. — Иначе он бы не распорядился подавать горячее на стол.

— Должен поблагодарить тебя, Денис, — вспомнил неожиданно Желтовский. — Матушка написала мне, что ей от моего имени переслали просто невероятную сумму денег, почти две тысячи ассигнациями. Сначала я решил, что вышла какая-то ошибка. Но потом вспомнил, что этой сумме как раз равнялся мой долг капитану Новикову, и ты обещался достать для меня деньги. Признаюсь, я вел себя подло, как свинья, — Желтовский опустил голову, — напился до беспмятства вместо того, чтобы самому искать выход из собственного несчастья. Но ты узнаешь, я умею быть благодарным. Не могу сказать точно, когда отдам тебе долг, — горячо продолжал он, взяв Дениса за руку, —

но не сомневайся, я все верну, до копейки. Я дал зарок не играть, пока не расплачусь.

— С возвратом не стоит торопиться, — ответил Денис смущенно. — Деньги не мои, я их позаимствовал у бабушки. А ей не к спеху. Она так и сказала, пускай не мучает себя. Вернет, как оказия выйдет...

— А вы слышали, — придвинув стул, к ним подсел Бурцев, — с этим капитаном Новиковым до сих пор происходят какие-то невероятные истории.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду, — изумился Денис. — Какие истории могут происходить с мертвецом? Ты же сам рассказывал нам, что Новикова нашли мертвым на следующий день после того, как Вадим проигрался ему. Выяснили, наконец, кто его убил?

— Вот ты уж спросишь, право, Денис Васильевич, — усмехнулся Бурцев. — Я что, по-твоему, похож на графа Виктора Павловича Кочубея, министра внутренних дел, или хотя бы на петербургского обер-полицмейстера? Это у них надо спрашивать, кто убил да за что. А я знаю только то, про что молва разносится. Вот давеча в театре у Коломны Екатерина Ильинична Кутузова рассказывала в ложе, что будто Новиков тот едва ли не по улицам Петербурга по ночам бродит и к прохожим задирается...

— Что... Что? — изумился Четвертинский, присоединившийся к их кружку. — Не поверю, что Екатерина Ильинична могла такое говорить. Она такая разумная дама, с ясным умом, обаянием...

— Ну, а обаяние здесь причем? — иронически осведомился у него Бурцев. — Думаешь, покойникам обаятельные особы не приглянутся. Да им все равно, кто ты таков, лишь бы свести счеты. Как Михайла Илларионович отъехал в Киев, Екатерина Ильинична одна с дочерьми осталась в доме на Английской набережной.

Так, конечно, боязно ей. Только она всего лишь разговор завела, а свидетели быстро сыскались.

— Свидетели?! — переспросили Олтуфьев и Четвертинский в один голос. — Свидетели чего, позволь полюбопытствовать?

— Свидетели ночных прогулок покойника Новикова по Петербургу, — как ни в чем не бывало, уточнил Бурцев. — Вернее, не свидетели, а одна свидетельница. Супружница нашего петербургского командующего гарнизона мадам Вязмитинова. Ну, она, известное дело, дама в годах, к тому же неуравновешена.

— Что же, она видела его? Самого Новикова?

— И даже разговаривала, — сообщил Бурцев со значением и слегка опустил голову, чтобы усилить впечатление. — Вообразите себе, возвращается как-то мадам Вязмитинова из гостей, уже за полночь было, к себе домой. Ну, простилась с мужем, как положено. Он уж в возрасте, на долгие объятия у него запала нет, устает быстро. Служанки тоже замешкались. Вошла мадам Вязмитинова в свои покои, видит, а на кровати ее кто-то лежит, — скрывая улыбку в усы, Бурцев расширил глаза, — в белой рубашке и панталонах. Мадам пригляделась и ахнула — мужчина!

— Так с чего она взяла, что это капитан Новиков был, — рассмеялся Желтовский. — Может, и не он. Раз муж стар, так у мадам наверняка вздыхатели имеются!

— Ну, что ты, Вадим! — отмахнулся Бурцев. — Какие вздыхатели. У Вязмитиновых две дочери уже замужем, третья на выданье, кому ж она нужна, пардон за прямоту... И помоложе хватает!

— И что, что было дальше? — заинтересованно спросил Четвертинский. — Мужчина тот исчез, или как?

— Как же, исчез! — хохотнул Бурцев. — В том-то вся и штука, что позовет мадам горничную — он исчезнет,

а как одна останется — он опять появляется. Лежит себе на ее кровати под балдахин и улыбается нагло.

— Ну, так это вовсе, может быть, и не Новиков, — резонно заметил Денис. — С чего она взяла, что он Новиков. Может, иной какой спирит. Может, мадам втайне сеансы спиритические посещала, так там к ней привязался какой поклонник из потустороннего мира?

— Мадам крайне религиозна, — наставительно заметил ему Бурцев. — Ни о каких гайстах или спиритах слыхом не слыхивала. Ходит на исповедь каждую неделю, причащается, как положено, на ночь Библию читает. А если что и происходит, чего она не понимает, так все это, по ее мнению, от сатаны. Вот она на следующий день батюшку в дом призвала, рассказала ему все, как произошло с ней. Батюшка воду святую лил, молитву читал. Мадам уж успокоилась, мол, все, исчез гайст, больше не побеспокоит. А не тут-то было...

— Да ну!

— Вот-вот. Как опять ночь настанет, так снова мужик на кровати лежит и усмехается. На вторую ночь он даже заговорил с ней. «Ты, говорит, Агриппина Федоровна, прости меня. Но уж больно тоскливо мне в земле сырой лежать, позволь на твоей постельке понежиться». Мадам Вязмитинова прямо дара речи лишилась, как услышала его. А он ее пальчиком манит, да продолжает: «Злые люди, жадные покалечили меня до смерти, извести возжелали. Пожалей меня, Агриппина Федоровна». Прямо молит, и слезы, текут из глаз.

— И что ж госпожа Вязмитинова? — осведомился Четвертинский озабоченно. — Неужто ответила ему?

— Как же она ответит, — упрекнул его Бурцев, — она же мысли не умеет так передавать, как он ей передал. Да и перепугалась она, в обморок грохнулась. Горничные набежали, насили в чувство привели. Так

несчастливая целых два дня после этого слова из себя вы-
давить не могла.

— Как же она в театр-то приехала? — усомнился Де-
нис. — Не побоялась?

— Так, напротив, чтобы отвлечься, — ответил Бур-
цев. — А ночью никак по-иному теперь не засыпает,
кроме как в присутствии служанки. Кровать повелела
заменить вовсе и переставила ее в другую комнату. Вот
как!

— Бурцев, что вы все ерунду мелете, — прервал их
Каховский в возмущении. — Вы будете Кассандру смо-
треть или все языки чесать продолжите?

Глава 2

ПИКАНТНЫЙ ОБОРОТ

МЕЖДУ ОБЕДОМ У Четвертинского, затянувшимся дотемна, и гвардейским клубом, где ожидалась карточная дуэль Бурцева и весьма самонадеянного московского гастролера из чиновников, Денис заехал ненадолго в Мраморный. Ему не терпелось узнать, не поступало ли еще каких сведений от Анны, когда же она, наконец, придет в Петербург.

Старый солдат Егор Кузьмич проводил кавалергарда в малую белую гостиную дворца. Перед высоким камином, отделанным мрамором и самоцветами, князь Орлов читал какое-то письмо. Напротив него в кресле сидел старинный приятель граф Александр Сергеевич Строганов. У закрытого бархатными порттьерами окна примостилась с шитьем Елизавета Михайловна.

— Вот моя Татьяна Дмитриевна со всей искренностью верит, — рассказывал Строганов и перебрасывал с ладони на ладонь несколько зеленоватых камушков, отшлифованных до блеска, — искренне верит, что камень этот, прозванный змеиным, приносит нашему семейству удачу. Так уж издавна повелось, что делают для

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. <i>Тайное свидание</i>	6
Глава 2. <i>Пикантный оборот</i>	31
Глава 3. <i>Фаворит государыни</i>	57
Глава 4. <i>Встреча с минувшим</i>	85
Глава 5. <i>Дуэль с гастролером</i>	136
Глава 6. <i>Скелет в шкафу</i>	158
Глава 7. <i>Нора отшельника</i>	192
Глава 8. <i>Военный совет</i>	231
Глава 9. <i>Письма из преисподней</i>	259
Глава 10. <i>Свидание на базаре</i>	277
Глава 11. <i>Слуга интригана</i>	289
Глава 12. <i>Опасные визитеры</i>	310
Глава 13. <i>«Машкарад» с похищением</i>	341
Глава 14. <i>Ведунья-разлучница</i>	363

Читайте книги Издательского дома
«ФЛЮИД FreeFly»

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Составитель серии А. Лидин

Игорь МОСКВИН **«Убийство в Невском переулке»**

Новую серию классических детективов открывает роман об Иване Дмитриевиче Путилине — одном из величайших сыщиков Российской империи. Как писал А. Ф Кони: «В Петербурге в первой половине 70-х годов XIX века не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда».

Читайте книги Издательского дома

«ФЛЮИД FreeFly»

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Составитель серии А. Лидин

Томас ХАНШЕУ

«Человек из Скотланд-Ярда»

Томас Ханшеу родился в Бруклине в 1857 году. С 16 лет играл в театре, сначала второстепенные роли, позже, вместе с такими известными актрисами, как Клара Моррис и Аделаида Нейлсон, — главные. В 1892 году вместе с семьей переехал в Великобританию.

Известность Томасу Ханшеу, как автору, принесла серия книг о «человеке с тысячью лиц» Гамильтоне Клике, впервые появившемся в рассказах в 1895 году. Всего Томас написал более 150 романов.

Читайте книги Издательского дома
«ФЛЮИД FreeFly»

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Составитель серии А. Лидин

Константин ТУМАНОВ **«Трущобы Петербурга»**

Всеволод Крестовский не раз называл Константина Туманова учителем и даже своему самому знаменитому роману дал почти то же название. Популярный в конце XIX века К. Туманов, по словам В. Бонч-Бруевича, «заложил краеугольный камень российского детектива», однако после революции был забыт и в советское время практически не издавался.

В данной книге представлен самый знаменитый роман К. Туманова «Трущобы Петербурга», а также «Уголовные рассказы».

Читайте книги Издательского дома

«ФЛЮИД FreeFly»

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Составитель серии А. Лидин

Янина ЗАБЕЛИНА
«Книга покойника»

Янина Забелина — журналист, редактор и переводчик. Ее перу принадлежит около сотни очерков и статей, посвященных географическим и историческим загадкам различных уголков нашей планеты. Из литературных жанров предпочитает классический детектив, из жанров журналистики — историко-страноведческие исследования. На стыке интересов и появился роман о богатом библиофиле с наклонностями незабвенного Шерлока Холмса — Гарольде Графе.

Читайте книги Издательского дома
«ФЛЮИД FreeFly»

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Составитель серии А. Лидин

Олег МУШИНСКИЙ **«Кронштадтский детектив»**

Действие «Кронштадтского детектива» происходит в начале XX века. Агенту сыскной полиции Ефиму Кошину предстоит раскрыть загадочные, на первый взгляд, даже мистические преступления, и раскрыть быстро. Из столицы прибыл инспектор Гаврилов, чтобы оценить эффективность работы сотрудников кронштадтского отделения сыскной полиции...

Литературно-художественное издание

Виктория Дьякова

ФАРФОРОВЫЙ БЕС

Редакторы А. Федотов, В. Дюбов
Корректоры Л. Михайлова, О. Шепитько
Компьютерная верстка Н. Лаптева
Дизайнер обложки Л. Соловьева

Подписано в печать 02.09.2019. Формат 84×108/32
Печ. л. 13,5. Гарнитура «Bookman Old»
Тираж 1000 экз. Заказ

ИД «Флюид ФриФлай»
109382, Москва, ул. Краснодонская, д. 20, кор. 2
тел. +7 (985) 8000 366
fluidfreefly.ru
e-mail: info@fluidfreefly.ru

Интернет-магазин www.gorodets.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография».
Филиал «Чеховский Печатный Двор».
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru
тел. +7 (499) 270 7359

16+

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ДЕНИС ОЛТУФЬЕВ

Дьякова Виктория Борисовна — выпускница филологического факультета СПбГУ. Область научных интересов — история американской литературы начала 20 века. В 2003 году вышел ее первый роман «Камни Юсуфа». В настоящее время Виктория Дьякова — автор более двадцати романов. Виктория живет и работает в Санкт-Петербурге. Разводит розы и рододендроны в саду на даче.

В новом историческо-авантюрном детективе Виктории Дьяковой действие разворачивается в 1806 году в Санкт-Петербурге. Неизвестными лицами похищен гвардейский офицер Валерьян Зубов. Валериана похитили, чтобы узнать, где скрывается его старший брат, последний фаворит императрицы Платон Зубов. За любовь к роскоши и богатству, а также бледный цвет лица он получил прозвище «Фарфоровый бес». И единственный, кто может остановить преступников и распутать клубок интриг, — поручик Денис Олтуфьев.

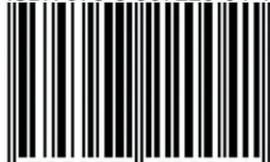
издательский дом

ФЛЮИД

FreeFly

www.gorodets.ru

ISBN 978-5-907220-04-1

9 785907 220041